

— Саша, зная вас не первый год, был потрясен известием о том, что вы открыли ресторан. Как же вы дошли до жизни такой?

— Здесь есть серьезная пуганица. Я — не владелец ресторана. Я бы сказал, что я — художественный руководитель клуба-театра в нашем актерском кафе. Мы назвали его «ТРАМ». С одной стороны, мы хотели, чтобы была ассоциация с театрами рабочей молодежи (кстати, Ленком раньше назывался именно ТРАМ). А с другой — «ТРАМ» расшифровывается, как Театральный Ресторан Актеров Москвы.

— Ну а что у знаменитого артиста в театре?

— В театре я играю в «Школе для эмигрантов» и в «Мудреце». Ничего не репетирую. Если даже сегодня найдут пьесу и дадут мне в ней роль, то, пока выйдет спектакль, как раз получится, что шесть лет я без премьер. Я выхожу на сцену четыре раза в месяц. Четыре! Это чудовищно для актера, но это — так. Еще я снимаюсь в кино... Только не спрашивайте: «В каком фильме?» — потому что картины останавливаются, неизвестно, выйдут вообще или нет. У меня два фильма «заморожены». И что мне делать? Сидеть дома у телевизора? Не

могу. Читать книги? Могу, но этого не достаточно.

— Правда ли, что Марк Анатольевич Захаров сказал «звездам» театра — таким, как Збруев, Янковский, Караченцов, Аб-

баль, легче работать с молодежью. У профессионального актера с именем всегда есть нечто свое, что он хочет внести в спектакль, и нередко это порождает непростые отношения

двадцать лет получаю главное: театр работает только на аншлагах, и, без сомнения, это один из лучших театральных коллективов в стране. Но мне интересно: для то-

тор Московского кинофестиваля, Янковский — президент «Кинотавра», Караченцов тоже чем-то таким занимается, да и многие другие не сидят сложа руки. Мы даже друг с другом ста-

России. Какова ваша официальная зарплата?

— Где-то шестьсот—семьсот тысяч. Плюс у нас в театре дают еще деньги на еду, в зависимости от стажа работы — от 150 до 200 тысяч. Прибавив деньги, которые платят за выход на сцену, у меня получается где-то около миллиона.

— Как же артисты живут?

— У вахтанговцев есть понятие «клевать»: артист «клюет» то там, то тут — кино, телевидение, творческие вечера. Кстати говоря, за один творческий вечер артист получает денег больше, чем за месяц работы в театре.

— Есть еще и реклама...

— Для меня — нет. Я никогда не буду сниматься в рекламе, если только жизнь не заставит. Я удивляюсь, когда действующие артисты рекламируют, скажем, кофе или куриный суп.

— Контраргумент известен: в Америке — это естественное дело, множество звезд снимается в рекламе.

— Во-первых, мы не в Америке, у нас совсем другие люди. И, кроме того, извините, там другие деньги. Там ты можешь продать за такую сумму, чтобы больше никогда этим не заниматься. А у нас — все тот же «клевать».

Андрей МАКСИМОВ.

Известия. — 1996. — 6 февр. — с. 6

За кулисами

«Звезды» Ленкома на отхожих промыслах

Александр Збруев объясняет, почему он работает в кафе

дулов, — чтобы они не ждали от него никаких подарков, что ему гораздо интереснее работать с новым поколением артистов?

— Было много статей Марка Анатольевича в разных газетах, в которых он откровенно пишет о том, что сейчас ориентируется на молодежь. Две последние премьеры — «Женитьба Фигаро» и «Королевские игры» — тому подтверждение. Да и в предыдущую премьеру — в «Чайку» — Олег Янковский попал случайно, заменив по ряду причин другого артиста. Факт сегодняшней жизни Ленкома состоит в том, что Захарову, как мне кажется, интересней и, может

с режиссером. Молодежь же всецело подчиняется лидеру. При этом надо сказать, что у нас действительно очень хорошая, талантливая молодежь.

— Но у Николая Караченцова в Ленкоме выходят премьеры...

— Это совсем иная ситуация. Он играет в коммерческих спектаклях, которые меньше чем наполовину принадлежат нашему театру: «Сорри» и «Чешское фото», и, кстати, получает за эти спектакли совсем другие деньги.

— Я не могу оспаривать политику Марка Захарова в Ленкоме, ибо у него вот уже

го, чтобы создать такой коллектив, нужно непременно быть диктатором?

— Захаров — первый человек в театре. Он — хозяин театра. И все, что могу я, это высказывать некие абстрактные, ничего, в сущности, не решающие пожелания. Мне бы хотелось, чтобы Марк Анатольевич ставил спектакли чаще, ибо он действительно очень крупный режиссер. Мне хотелось, чтобы он меньше занимался политикой. Но это — повторяю — возгласы в никуда. Наверное, не случайно, что не я один в театре занимаюсь как бы не совсем актерским делом: Абдулов — дирек-

ли куда меньше общаться. Нас ведь что всегда объединяло? Сцена, репетиции... А сейчас? Четыре спектакля в месяц, а репетиций нет вовсе. И мы уже не та мощная кучка, мы — сами по себе.

— Очевидно, что вы не артист Захарова. Отчего же у вас никогда не возникало желания уйти отсюда?

— Как я могу уйти, если это мой дом? Я в театре тридцать с лишним лет. И потом, заметьте, артисты, которые уходили из Ленкома за последние лет пятнадцать, переставали существовать как театральные артисты.

— Вы — народный артист